

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

Гастроли, ставшие экзаменом

...ПОЗАДИ уже девять лет выступлений, множество сложнейших ведущих ролей, участие в разнообразных ответственных концертах.

А в первые дни гастролей во Владивостоке солистка Куйбышевского государственного академического театра оперы и балета, заслуженная артистка РСФСР Светлана Чумакова боялась выходить на сцену.

Она знала: в зале сидят бывшие ее преподаватели и по-прежнему, как на экзамене, строго оценивают каждое ее выступление.

Когда-то она, единственная студентка за всю историю Дальневосточного педагогического института искусств, получила на экзамене по мастерству пятерку с плюсом.

Каждый раз, когда Чумакова выходит на сцену, ее невозможно сразу узнать — кажется, меняется даже ее голос, то расплавленный горячайшим страданием, то чистый и ровный, как пламя свечи.

Вот о мастерстве оперного актера, о проблемах оперного жанра и шла у нас речь со Светланой Ивановой Чумаковой перед одним из ее спектаклей.

— Достаточно посмотреть на очереди около касс, чтобы убедиться: Куйбышевский театр не может пожаловаться на отсутствие к нему интереса. И все же сетования на некоторое охлаждение зрителей к опере стали уже традицией. Что это — пустое беспокойство или отражение реального отставания старейшего жанра?

— Что ж, любителей оперы, действительно, поменьшилось. Но я думаю, дело не в жанре, а в нашем к нему отношении.

В самом деле, зритель приходит в театр, и что он видит? «Евгения Онегина», «Пиковую даму», «Риголетто» в таком решении, в каком их смотрели, наверное, еще наши прабабушки. Опера буквально обросла штампами, как ракушками — дно корабля. Исполняя произведения XVIII—XIX веков, мы чистенько используем и выразительные средства тех же эпох. А сегодня — уже иной ритм жизни и иная эстетика. Вспомни-

те: даже на демонстрации старых кинокомедий мы смеемся сейчас уже не в тех местах, чем прежде, что же говорить об опере, сохраняющей свои приемы веками!

Наш театр стремится не строить на сцене рыцарских замков и не погружаться в атмосферу ушедших эпох. Мы пытаемся искать в спектаклях сегодняшние средства выразительности и соответствие духу времени.

— Возможно, вашему театру отойти от штампов проще, потому что в основу репертуара легли произведения, не имеющие у нас большой сценической истории...

— Наверное, это так, хотя традиционное оперное клише можно наложить на какой угодно спектакль. Но, составляя репертуар, наш театр ориентировался не на эффект новизны и даже не на прекрасную музыку — прекрасной музыки много.

Мы решили, что сегодня нужна опера с хорошей драматургией — такая, где певцам было бы что играть, а зрителям — чему сопереживать. Ведь не секрет — часто именно пустынькое либретто, отсутствие ярких характеров отворачивают публику от оперы.

— Но ведь яркие характеры нужно еще актерски воплотить, а нередко драматическое мастерство — самое слабое место оперных певцов. Недавно, например, слышала, как одна выпускница нашего института искусств жаловалась другой: «Попала по распределению в театр оперетты, не знаю, как справлюсь. Там ведь нужно не просто петь — и играть, и танцевать. В сто раз сложнее, чем в опере...».

— Вот-вот. Распространенное заблуждение, тоже немало навредившее нашему жанру. Почему-то считается, что актерские умения певцу оперы не важны — был бы голос. И вузы готовят выпускников, которые могут петь, только стоя у рояля, скрестив руки на груди. При этом как-то забывается, что красивые рулады — только основа ремесла, а слушать, как солист берет ноту «сошь», в театр приходят только завязтые меломаны.

Помню, когда я впервые пришла в Куйбышевский театр и меня сразу ввели в идущие там оперетту «Летучая мышь» и в мюзикл «Человек из Ламанчи», я была в ужасе. Мало того, что предстоит расстаться с благородной невозмутимостью и выделывать на сцене разнообразные «па», так в мюзикле нужно еще играть две противоположные роли — недалекого нескладеху Альдонсу и возвышенную, прекрасную Дульсинию. Поплакала я тогда на репетициях!

Но, как ни странно, именно оперетта научила меня искать живой контакт с залом, выходить за рамки амплуа.

Зрителям нужно сопереживание. У музыкального театра здесь колоссальные возможности, ведь музыка сама по себе несет огромный эмоциональный заряд. Недаром же в последнее время актеры драматических театров активно начали петь. Но и мы должны перенять их актерскую гибкость и научиться любить своих героев как живых, реальных людей...

— Когда найдено «хорошее», возникает ощущение, что роль сделана?

— Нет, такого ощущения вообще не возникает. Я по натуре самоед и прекрасно знаю, сколько мною еще всего не передано. Нарочно перед каждым спектаклем, даже если играю его давно, стараюсь перелистать текст, чтобы найти в характере новые оттенки.

Но просто в нашей актерской жизни бывают моменты, ради которых и стоит работать. Это когда кончается напряженная сцена, а зал молчит. Не может хлопнуть. Вот такая пауза дорого стоит. Понимаешь, что тебя не просто слушали, но и слышали...

Публику театр должен воспитывать себе сам. И тут должна сказать, что мне просто жаль: такой музыкальный (мы почувствовали это по приему), имеющий музучилище, институт искусств город Владивосток до сих пор остается городом без музыкального театра.

Беседу вел
Н. БАРАБАШ